
ЛЕВАЯ ТРАДИЦИЯ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

КОММУНИСТЫ И СОЦИАЛИСТЫ ВО ФРАНЦИИ: УТЕРЯННОЕ ЕДИНСТВО (1920-1923)

А.А. Вершинин

«С 1978 г. Социалистическая партия является доминирующей политической силой левого фланга. Ее основным соперником, Коммунистическая партия, в 1981 г. потеряла возможность бороться с ней за лидерство»¹, – такой довольно недвусмысленной фразой французский историк Мишель Винок подвел итог многолетнему противостоянию двух флангов французской рабочей левой – социалистов и коммунистов. На протяжении большей части XX в. это противостояние являлось одним из принципиальных факторов внутривнутриполитической жизни Франции. К концу века влияние ФКП² сошло на нет. Французская социалистическая партия является одной из крупнейших политических сил страны. И теперь, когда отгремели былые бои, исследователи вновь и вновь обращаются к истории взаимоотношений двух партий.

Коммунисты и социалисты разделяли одинаковые ценности, стояли на сходной идеологической платформе и, более того, имели перед собой общую стратегическую цель, однако вся история их сосуществования – это постоянная череда столкновений друг с другом. Периоды острой конфронтации сменялись периодами сотрудничества, однако это не меняло сути дела: фактически на французской политической арене действовали две левые рабочие партии, разительно отличавшиеся по характеру своей деятельности и методам достижения поставленных

Александр Александрович Вершинин — аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова.

1 *Winock M. La gauche en France. P., 2006. P. 436.*

2 Французская Коммунистическая партия.

целей. Эти тактические расхождения не просто оставляли в тени общность стратегических установок. Они являлись одним из основных факторов, политически разделявших коммунистов и социалистов. Чтобы понять всю подоплеку сложных отношений между рабочими партиями во Франции, необходимо изучить самые первые годы их отдельного существования. Наиболее показателен в этом смысле период с 1920 по 1923 гг., временными вехами которого служит XVIII съезд Французской социалистической партии (СФИО³), в результате которого образовалась ФКП, и события, приведшие к власти в компартии новое поколение руководителей, начавших процесс демонтажа ее старой структуры и возведения нового здания французского коммунизма. Этот короткий временной промежуток оказался судьбоносным для будущего социалистической традиции во Франции. Он ознаменовался окончательным размежеванием внутри рабочего движения, изучение которого позволяет понять, как единое тело французского социализма разделилось на два совершенно разных организма, и выяснить, как формировалась та платформа, на которой они стали строиться их отношения.

* * *

30 декабря 1920 г. XVIII съезд Французской Социалистической партии, проходивший в Туре, большинством голосов принял решение о ее вхождении в ряды Коммунистического Интернационала (Коминтерна) и согласился с 21 условием, регламентировавшим членство в нем. Так завершилась четырехлетняя агония старой довоенной партии СФИО, родившейся после слияния в 1905 г. основных групп социалистического толка в единую организацию. Решения Турского съезда означали утрату былого политического единства партии, являвшегося практически сакральной ценностью для целого поколения французских социалистов, и стали настоящим кошмаром для лидеров СФИО. Однако этот исход был фактически предопределен.

За 15 лет своего существования Французская социалистическая партия пережила глубокую эволюцию. Создававшаяся как революционная организация, ставившая перед собой задачи захвата власти и обобществления средств производства, четко прописанные в объедини-

---

3 Section française de l'Internationale Ouvrière.

тельной хартии 1905 г., она столкнулась с необходимостью адаптации к социально-политическим условиям Франции начала XX в., что подразумевало защиту интересов крестьян и мелкой буржуазии, приверженность идеалам демократической республики и патриотизма. Более того, само интеллектуальное поле французского социализма в значительной степени формировалось под влиянием буржуазной системы ценностей. Хорошо об этом написал философ и теоретик марксизма Л.Альтюссер:

«Во Франции сама буржуазия была революционной; в революции, которую она осуществила, ей сразу удалось привлечь интеллектуалов на свою сторону... За несколькими исключениями, которые были именно исключениями, французские интеллектуалы смирились со своим положением, не испытывали потребности искать спасения на стороне рабочего класса и даже когда к нему присоединялись, не могли радикально порвать с буржуазной идеологией»⁴.

Несмотря на то, что среди самих социалистов шла острая дискуссия вокруг отношений с буржуазной республикой, они фактически принимали непосредственное участие в ее борьбе против реакции и клерикализма и тем самым еще глубже интегрировались в систему. В результате, несмотря на все внутрипартийные столкновения по этому вопросу, социалистическая партия оказалась фактически вовлечена во власть. Депутаты от СФИО в парламенте голосовали за законы, улучшавшие положение трудящихся, а в провинции социалисты занимали посты в муниципалитетах и в мэриях («социализм малых дел»⁵ по выражению Сержа Берстайна). Таким образом, реальные действия партии приходили в явное противоречие с ее же доктриной.

Ситуация складывалась парадоксальная, но, очевидно, она была возможна лишь до тех пор, пока социалисты не участвовали напрямую в работе буржуазного правительства и тем самым сохраняли возможность хотя бы словесно блюсти чистоту марксистской ортодоксии. В ином случае СФИО столкнулась бы с серьезнейшим кризисом политической идентичности и перспективой раскола. Это и произошло на третьем году Первой мировой войны, когда значительная часть лидеров французского социализма, поддержавших правительство в 1914 г., осознала, что фактически участвует в организации всемирной империалистической бойни. Само по себе вхождение социалистов в коалици-

4 Альтюссер Л. За Маркса. М., 2006. С. 38-39.

5 Berstein S. Léon Blum. P., 2006. P. 142.

онный кабинет так называемого «Священного единения» было вполне логичным. Как отметил С.Берстайн, «практически спонтанная и почти единодушная поддержка со стороны СФИО «Священного единения» подготавливалась медленной, но глубокой интеграцией социалистов во французскую демократическую систему»⁶. Однако не менее логично и то, что к 1917 г. многие видные руководители соцпартии, увидев себя в зеркале социал-шовинизма, отшатнулись от курса, которым шли на протяжении более десяти лет. Под их нажимом СФИО покинула коалиционное правительство. Идейный вождь нового партийного крыла Ж. Лонге призывал своих товарищей «не забывать в угаре революционного шовинизма, что мы остаемся социалистами-интернационалистами»⁷.

Этим было положено начало процессу внутреннего размежевания в рядах СФИО. На одном фланге консолидировались прозревшие к концу войны сторонники обновления французского социализма и его очищения от оппортунизма. На противоположном – фактические сторонники продолжения старого курса на сотрудничество с буржуазной республиканской системой. Катализатором раскола стали события Октября 1917 г. в России. Большевики предложили мировому рабочему движению новый формат развития. На смену II Интернационалу, дискредитированному поддержкой империалистической войны, пришел III Интернационал, объявивший себя всемирной коммунистической партией, взявший за образец для своей структуры большевистскую схему подпольной боевой организации, декларировавший необходимость полного разрыва с оппортунистически настроенной социал-демократией и поставивший своей непосредственной задачей революционное (если потребуется, насильственное) свержение буржуазного строя. Коминтерн отличали не только новизна и радикальностью программных установок. Социалисты всего мира неизменно ассоциировали его с достижениями русской революции, с практиками, доказавшими свою эффективность.

В результате, социалистические партии стран Европы, в том числе СФИО, оказались перед дилеммой. Наконец, приходилось выбирать между продолжением политики участия в буржуазной системе и переходом от ее критики на словах к прямым действиям по ее ликвидации.

---

6 Ibid. P. 143.

7 Les Archives Nationales. Fonds Panthéon (далее – А.Н.). F7 15979/1. Копия доклада префекта полиции от 26 июля 1915 г. о заседании комитета столичной федерации СФИО.

Выбор был сделан 30 декабря 1920 г. в Туре. Взлелеянное целым поколением социалистов партийное единство пало жертвой глубинных процессов размежевания внутри рабочего движения. Притягательность большевистских лозунгов и идей оказалась настолько велика на фоне полного упадка европейского социализма после Первой мировой войны, что более $\frac{3}{4}$ членов СФИО перешли в ряды вновь созданной Французской Коммунистической партии. От них отмежевались последовательные приверженцы курса на сотрудничество с буржуазной республикой, а также сторонники перестройки французского социализма, не принявшие предложенные Москвой рецепты его обновления. Во Франции образовались две партии социалистического толка.

Отношения между ними с самого начала характеризовались множеством противоречий. Вновь возникшая компартия полностью отвергла всю политическую практику своей предшественницы. Несоответствие революционной доктрины и оппортунистской деятельности коммунисты преодолели, жестко противопоставив себя буржуазному государству, взяв не только на словах, но и на деле курс на его уничтожение. И это была не просто эволюция одной организации, а огромной силы переворот в умах, облеченный в форму преклонения перед Октябрьской революцией. «Рабочие массы обратились к Москве как к святому городу социализма... Социализм, повсюду гонимый и ненавидимый, был там триумфатором»⁸, – писал в мемуарах первый генеральный секретарь ФКП Л.-О. Фроссар. В том же духе летом 1920 г. высказался в прошлом видный сторонник «Священного единения» и активный лидер СФИО Марсель Кашен: «Необходимо действовать в духе Москвы, так как именно она первой показала путь и уже выполнила половину задачи, причем половину наиболее сложную – разрушение режима господства денег»⁹.

Для большинства французских социалистов русская революция стала символом возрождения их собственной партии. Они достаточно болезненно восприняли отказ ряда своих товарищей примкнуть к III Интернационалу. «Лишенные революционного духа вожди социалистов ослабили боевой и наступательный порыв французского

---

8 *Frossard L.-O. De Jaurès à Lénine. P., 1930. P. 34.*

9 *Cachin M. Carnets. 1906-1947. P., 1998. T. 2. P. 637.*

пролетариата»¹⁰, – писал в своем дневнике Кашен. Один из руководителей левого крыла ФКП Амеде Дюнуа назвал Турский раскол «глубоким конфликтом» и упрекнул лидеров СФИО в тесных контактах с буржуазией¹¹. На митинге в апреле 1921 г. Фроссар заявил, что ФКП является единственной партией, блюдущей идеи и заветы Жюля Гедда, отца французского социализма¹². В значительной степени это была эмоциональная реакция. По мнению коммунистов, истинный социалист в декабре 1920 г. не мог не встать под знамена русской революции. Любой другой выбор в их глазах вел к дальнейшему вращению в буржуазный режим и к полной потере политической и идеологической идентичности рабочей партии. Как писал Дюнуа, «они [социалисты – *A.B.*] еще верят в буржуазию. Мы же верим только в пролетариат»¹³. О том же говорил и вошедший в компартию историк Альбер Матъез, обвиняя руководство СФИО в сотрудничестве с буржуазией и заявляя, что именно оно целенаправленно раскололо единую партию¹⁴. И это не было метафорой или заведомым преувеличением. Речь шла либо о вхождении в Коминтерн, что означало полный разрыв с оппортунистским прошлым и возвращение к идеалам объединительной хартии 1905 г., либо о сохранении противоестественного дуализма доктрины и действия.

Критическая риторика звучала и на противоположном фланге французской пролетарской левой. Тон ей задавали главные руководители социалистической партии, сохранившей после раскола название СФИО. Еще на Турском съезде виднейший лидер социал-реформистов Леон Блюм обозначил коренные расхождения между социализмом и вновь зародившимся коммунизмом, заявил о своем твердом решении «остаться приверженным традиционной доктрине и беречь старый дом»¹⁵. О том же шла речь и в манифесте парламентской группы СФИО, обвинившей коммунистов в разрыве «с доктриной, тактикой и

---

10 Ibid. P. 405.

11 L'Humanité. 1921. 17 avr.

12 A. N. F7 15957/2. Доклад префекта департамента Верхняя Вьенна министру внутренних дел от 12 апреля 1921.

13 L'Humanité. 1921. 17 avr.

14 L'Humanité. 1921. 14 mai.

15 L'Humanité. 1920. 28 dec. Эта метафора – старый дом (*la vieille maison*) – еще долгие годы будет использоваться для обозначения основных принципов французского социализма довоенного образца.

организационной структурой социализма»¹⁶. Активный деятель правого крыла партии Пьер Ренодель на митинге в Тулоне 10 апреля 1921 г. констатировал, что «те, кто остаются верными методам Жореса, Геда и Вайяна не могут принять большевистские тезисы»¹⁷. Его соратник Жан Лонге, один из наиболее популярных руководителей социалистической партии, называл коммунистов «ослепленными фанатиками» и возлагал на них вину за раскол¹⁸.

Очевидно, что заряд обоюдного раздражения был велик. Причем обе стороны обвиняли друг друга в одном и том же – в отходе от идеалов социализма. СФИО изображалась организацией, вставшей на путь буржуазного перерождения, а ФКП – партией, предавшей заветы основоположников французского рабочего движения ради сектантских и авторитарных установок Москвы. При этом изначально обе партии формально не отказывались от сотрудничества друг с другом. Коммунисты неизменным условием этого ставили принятие своей идейной платформы, выраженной в 21 условии вступления в Коминтерн, то есть фактическое вхождение социалистов в компартию. «Вы можете вернуться в ряды Коммунистической партии, где Вас, безусловно, примут»¹⁹, – именно таким образом генсек ФКП Фроссар озвучил Лонге свое предложение о сотрудничестве. Двери компартии оставались открытыми для всех желающих вступить в нее.

Сложнее обстояла ситуация внутри социалистической партии. Вновь созданная ФКП консолидировалась вокруг идеи глобального обновления французского рабочего движения по образцу, предложенному Коммунистическим Интернационалом. Что же касается социалистов, то на первых порах казалось, что они объединились не во имя реализации какого-либо альтернативного коммунистическому проекту, а скорее по принципу простого неприятия программы большевиков. Это логически привело к тому, что в рядах партии оказались люди с диаметрально противоположными взглядами. Причем различалась и степень их негативного отношения к коммунизму. Наряду с адептом

---

16 *Le Populaire*. 1921. 19 janv.

17 А. N. F7 16001/2. Доклад директора государственной полиции Тулона префекту департамента Вар о ходе конгресса местного отделения СФИО от 11 апреля 1921 г.

18 *Le Populaire*. 1921. 2 janv.

19 А. N. F7 15957/2. Отчет главного комиссара полиции Сен-Кантена министру внутренних дел от 4 июня 1921 г. о собрании, организованном местным отделением СФИО.

социал-патриотизма и антибольшевизма Пьером Реноделем в руководстве обновленной СФИО оказался и Жан Лонге, человек, всерьез рассматривавший для себя возможность вхождения в Коминтерн. Все они сходились лишь в признании того, что условия, которые Коммунистический Интернационал предъявлял желающим вступить в него партиям, были неприемлемы для французского социализма и противоречили его сути. «Я бы очень хотел отправиться в Москву, – разяснял впоследствии эту мысль генеральный секретарь новой СФИО Поль Фор, но отправиться без цепи на шее, не будучи связанным неприемлемыми условиями»²⁰. Между тем, социалисты с самого начала не исключали для себя возможности сотрудничества с коммунистами. Более того, они (за исключением непримиримых, вроде Реноделя) стремились к этому. Знаковой в этом смысле стала известная фраза Л. Блюма, сказанная им на Турском съезде и обращенная к сторонникам Коминтерна: «Не будем объявлять друг друга врагами, чтобы сохранить возможность в будущем воссоединиться у общего очага»²¹. Уже 4 января 1921 г. на страницах центрального печатного органа соцпартии газеты *Le Populaire* появилась статья с говорящим названием – «Непреодолимая связь». Она начиналась со следующих слов: «Нет, невозможно, чтобы теперь мы являлись противниками. У нас всегда будет общий социальный идеал, и, несмотря на то, что мы разделены сегодня, непреодолимая связь, на которой этот идеал зиждется, воссоединит нас в будущем»²².

Начиная с января 1921 г. СФИО неоднократно заявляла о готовности к диалогу с коммунистами. Многие ее лидеры сочувственно относились к русской революции и идеалам, провозглашенным большевиками, а свои разногласия с ФКП считали скорее тактическими. В марте на социалистической конференции в Валансьене П. Фор, обращаясь к присутствовавшим коммунистам, заявил: «Наши партии разделены лишь вопросами доктрины, но они должны оставаться единым целым, чтобы вести борьбу против единственного врага пролетариата: капитализма»²³. Затем он сравнил современную ситуацию в рабочем

---

20 А.Н. F7 15979/1. Донесение специального комиссара г. Лилля от 13 марта 1921 о ходе митинга, организованного СФИО.

21 *L'Humanité*. 1920. 28 dec.

22 *Le Populaire*. 1921. 4 janv.

23 А.Н. F7 15979/1. Донесение помощника специального комиссара г. Валансьена от 14 марта 1921 г. о ходе конференции, организованной СФИО.

движении с положением до 1905 г., когда существовали конкурировавшие друг с другом, но впоследствии слившиеся в единую организацию, партии во главе с Жюлем Гедом (Социалистическая партия Франции) и Жаном Жоресом (Французская социалистическая партия). Форум, как и многим другим руководителям СФИО, казалось, что коммунисты неизбежно вернутся на путь, намеченный отцами-основателями социалистической партии и заключавшийся в сочетании заложенных Французской революцией традиций демократизма, гуманизма и республиканизма с идеями классовой борьбы и освобождения пролетариата. Другим важным моментом было то, что во Франции исторически сложились традиции совместной политической борьбы левых сил. На протяжении десятилетий партии республиканской, демократической и социалистической ориентации выступали единым фронтом против правой реакции, клерикализма и всевластия крупного капитала. Ситуация, при которой левые силы (в данном случае, пролетарская левая) начнут бороться между собой, фактически, не имела прецедента²⁴ и, по всей видимости, казалась нереальной. Об этом лучше всего написала правая газета *Le Temps*, комментируя последствия Турского раскола: «Мы никогда не строили иллюзий относительно подлинного значения раскола в рядах социалистов. Эти враги-братья всегда окажутся заодно, если речь пойдет о том, чтобы пуститься в революционную авантюру... Как они были революционерами, так ими и останутся»²⁵.

Однако не только непосредственные оппоненты левых сил, но и сами члены партий социалистической ориентации, очевидно, не представляли себе длительной перспективы существования двух конкурирующих политических организаций рабочего класса. Лидеры СФИО всячески выражали уверенность в скором восстановлении пролетарского единства, а коммунисты со своей стороны пророчили соцпартии исчезновение в ближайшем будущем. «Вожаки [СФИО – А.В.] потеряны для социализма, они покатались к реформизму, к соглашательству классов, к “Левому блоку”²⁶. Трудящиеся же массы мало-помалу придут к

---

24 Если не считать конфронтации между партиями социалистической ориентации на рубеже XIX-XX вв., которая, тем не менее, окончилась созданием единой СФИО.

25 *Le Temps*. 1921. 29 janv.

26 Левый блок – объединение партий левой ориентации (социалисты, радикалы, левые республиканцы), победившее на парламентских выборах 1902 г.

нам»²⁷, – утверждал Фроссар.

Очевидно, именно этим убеждением можно объяснить тот примечательный факт, что всю первую половину 1921 г. коммунистическая пресса сознательно обходила вниманием проблему взаимоотношений с социалистами. Уже в январе центральный печатный орган ФКП газета *Humanité* объявила о необходимости полного отказа от диалога с реформистами. «Вернувшись с Турского съезда, мы были намерены избегать любой малозначимой полемики с диссидентами²⁸, ...игнорировать их настолько это можно», – отмечалось в редакционной статье²⁹. Диалог с отмершим, как им казалось, политическим организмом представлялся коммунистам бессмысленным. Осознание подлинного значения раскола 1920 г. тогда еще не пришло ни к одной из сторон.

* * *

Гораздо яснее отдавали себе отчет в сложившейся ситуации лидеры Коммунистического Интернационала, в состав которого на правах секции в декабре 1920 г. вступила ФКП. К 1921 г. тема отношений с социал-демократией стала одной из центральных в выступлениях руководителей СССР. Постепенное преодоление вызванного войной кризиса мирового хозяйства и, как следствие, спад революционной волны в странах Западной Европы поставили на повестку дня компартий вопрос о необходимости действовать в рамках существовавшей там политической системы. И именно тогда со всей остротой встала проблема диалога коммунистов и социалистов. Надо сказать, что Коминтерн всегда достаточно негативно относился к партиям социал-демократической ориентации, с полным основанием видя в них непосредственного политического конкурента. Как значилось в итоговой резолюции III Конгресса Коминтерна (лето 1921 г.), социал-демократия «не только помогает капиталистическому классу в каждой отдельной стране, развивая дух обособленности внутри самого рабочего класса, но и преподносит буржуазии... планы, как провести в жизнь ее программу эксплуатации, не развязывая революционных сил народных масс»³⁰. Между тем, к

---

27 L'Humanité. 1921. 16 mai.

28 Коммунисты стали называть социалистов «диссидентами» после Турского съезда.

29 L'Humanité. 1921. 26 janv.

30 Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов

концу 1921 г. изменение международной обстановки подтолкнуло Коминтерн к пересмотру прежнего курса на жесткую конфронтацию с социалистами, не пожелавшими войти в его состав. В результате, в декабре Исполком III Интернационала сформулировал основные положения своей новой линии в отношении с социал-демократией. Они были изложены в форме тезисов так называемой тактики единого рабочего фронта, предполагавшей сотрудничество с социалистическими партиями в рамках борьбы за реализацию непосредственных социальных требований пролетариата³¹. Цели, которые преследовала новая тактика, были далеко не однозначны. В их число входило улучшение образа Советской России в глазах зарубежной общественности в преддверии намечавшегося диалога со странами Запада, а также структурное укрепление коммунистических партий за счет социал-демократии, которую планировалось «задушить в объятиях» путем привлечения на свою сторону ее рядовых сторонников. Одобренные Москвой тезисы о едином фронте должны были стать руководством к действию для всех партий – секций Коминтерна.

В январе 1922 г. во Франции узнали об изменениях в политической линии Коминтерна. В рядах ФКП и СФИО они вызвали весьма оживленную реакцию. Коммунисты с ходу отвергли новую тактику Москвы. 17 января 1922 г. ЦК ФКП высказался против единого фронта, поскольку тот «предусматривает соглашения с реформистскими вождями»³². Через два дня в том же духе высказался съезд столичной федерации компартии. «Существует только одна разновидность единого фронта – мировое коммунистическое движение»³³, – именно к этому сводилась точка зрения представителей парижских коммунистов. Один из руководителей партии Виктор Мерик весьма точно определил негативное отношение большинства ФКП к тактике единого фронта:

«Через год после Тура абсолютно невозможно сказать французскому пролетариату: “А теперь объединяйтесь с уже однажды изгнанными вами предателями и агентами буржуазии!”. Такой “маневр” станет концом коммунистической партии во Франции»³⁴.

Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919-1932. М., 1933. С. 201.

31 Там же. С. 304-309.

32 L'Humanité. 1922. 18 janv.

33 Ibid. 21 janv.

34 Ibid. 21 janv.

Предложения Коминтерна, фактически, нанесли мощный удар по едва начавшей оформляться социально-политической идентичности компартии. Порожденная глубинным кризисом французского социализма, не сумевшего примирить революционную доктрину с реформистской практикой, ФКП изначально определяла себя как силу, противостоящую на словах и на деле как буржуазному обществу, так и социал-демократии, которая, в отличие от коммунистов, сделала выбор в пользу дальнейшего вставания в капиталистический строй. Именно в этом состояла идеологическая предпосылка Турского раскола, и отказать от курса на жесткую конфронтацию с социалистами означало для лидеров ФКП, все еще находившихся под впечатлением от событий в России 1917-1920 гг., предать свои принципы. В вопросе о едином фронте их идеализм столкнулся с прагматизмом Москвы.

Значительное большинство руководителей партии отвергли тезисы Исполкома Коминтерна. В этом Фроссара и Кашена поддержали представители крайне левого крыла ФКП:

«Единый фронт нужен прежде всего руководителям России ... Для своих государственных нужд русские могут контактировать с другими правительствами, но у них нет права навязывать национальным фракциям Интернационала такое же отношение к их режимам»³⁵.

«Нам не нужно договариваться с теми, кто предал и разделил рабочий класс; ... те, кто ждал от нас иной реакции, глубоко заблуждались», – писал о едином фронте будущий генеральный секретарь ФКП Пьер Семар³⁶. Предложения Коминтерна крайне негативно повлияли на моральное состояние французских коммунистов. 5 февраля 1922 г. в отдел политического надзора МВД Франции поступила записка: «Источники, близкие к Фроссару, констатируют, что он настроен крайне пессимистично. Он потерял веру в будущее коммунизма»³⁷.

Не столь однозначную реакцию лозунг единого фронта вызвал в рядах социалистической партии. Дело в том, что новая тактика Коминтерна формально полностью соответствовала тем предложениям, которые лидеры СФИО делали коммунистам на протяжении всего 1921 г. Еще в марте Лонге заявил о необходимости координации действий пролетарских сил в борьбе против наступления буржуазной реакции, а в

35 РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 94. Л. 18-19.

36 Там же. Л. 22.

37 А.Н. F7 15957/2. Записка от 5 февраля 1922 г.

июне впервые произнес словосочетание «единый фронт»³⁸. В ноябре на своем XIX съезде социалистическая партия еще раз подтвердила готовность к сотрудничеству с коммунистами³⁹.

Выдвижение Москвой лозунга единого рабочего фронта вызвало в среде руководства соцпартии осторожный энтузиазм. Старый противник большевизма А. Компер-Морель писал:

«Хотя у Ленина и есть недостатки, можно говорить, по меньшей мере, об одном его достоинстве: он умеет признавать ошибки. Признав, что ошибся в надежде на немедленную насильственную мировую революцию..., он констатирует сейчас, что распыление сил пролетариата действительно опасно, и выступает со смелым призывом к объединению всех революционных элементов»⁴⁰.

«Единство фронта, – отмечал один из лидеров СФИО П. Мистраль, – установится таким же образом, как устанавливается инстинктивное взаимодействие между существами одного вида, оказавшимися перед лицом внезапной и очевидной опасности»⁴¹.

Социалисты полагали, что Советская Россия, наконец, отходит от курса на всемирную пролетарскую революцию и проявляет готовность к диалогу со всеми течениями мирового рабочего движения. Подтверждение этому они видели также в согласии руководства Коминтерна принять участие в конгрессе всех трех существовавших тогда Интернационалов (Второго или Бернского, Двух-с-половинного или Венского и Третьего или Коммунистического), созванном весной 1922 г. в Берлине европейскими социал-демократами для выработки общей платформы борьбы против наступления капитала. ФКП, казалось, не сможет остаться в стороне от этого процесса, и утраченное в Туре единство будет восстановлено. В июне 1922 г. на внеочередном съезде СФИО генеральный секретарь партии П. Фор заявил: «Мы всегда готовы к переговорам с Коммунистической партией с целью восстановления единства между нашими организациями, но только такого единства, какое существовало до Тура»⁴². Все это представлялось руководите-

---

38 A.N. F7 15979/1. Отчеты о выступлениях Лонге на митинге в департаменте Тар от 8 марта 1921 г. и на митинге в Сен-Кантене от 3 июня 1921 г.

39 *Le Populaire*. 1921. 2 nov.

40 *Ibid.* 1922. 6 fevr.

41 *Ibid.* 30 janv.

42 *Ibid.* 23 juin.

лям СФИО настолько логичным, что тот же Мистраль в своей статье утверждал, будто давно предсказывал подобное развитие событий⁴³. В Бовэ местный депутат-социалист на страницах партийной прессы даже начал агитировать в пользу единого фронта⁴⁴. Но по мере того, как становилось очевидным, что тактика единого фронта направлена и против социал-демократии, иллюзии французских социалистов рассеивались. В сентябре *Le Populaire* называла единый фронт «всего лишь ширмой», награждая его эпитетами «глубоко ошибочный» и «лживый»⁴⁵.

Одновременно разворачивалось ожесточенное внутрипартийное противостояние по этому вопросу и в ФКП. Опиравшееся на Коминтерн левое крыло партии во главе с Борисом Сувариным и Альбером Треном всеми силами пыталось преодолеть сопротивление большинства партийного руководства, не желавшего принимать тактику Москвы. Сторонники Коммунистического Интернационала точно уловили смысл тезисов о едином фронте. Трен открыто называл социалистическую партию «курицей, которую нужно ощипать»⁴⁶, используя новый курс Коминтерна.

Между тем, за сугубо внешними перипетиями этой борьбы скрывалась поистине фундаментальная проблема. Что станет идейной базой коммунизма во Франции – обновленный французский социализм, очистившийся от оппортунизма, или же теория и практика русского большевизма, доказавшего свою эффективность и поставившего на рельсы социалистического строительства шестую часть суши? Таким образом, проблема единого фронта приобретала новое звучание, непосредственно затрагивая вопрос о будущем самой Коммунистической партии. На ее II съезде в октябре 1922 г. сторонникам Коминтерна ценой огромных усилий удалось провести решение о принятии тактики единого фронта. После этого судьба отцов-основателей французского коммунизма была решена. В январе 1923 г. подавляющее их большинство покинуло ряды ФКП. Начался процесс превращения партии в организацию принципиально нового типа, в структуру, чьи основы имели мало общего с традициями и практикой старого французского социализма. Те партийцы, ко-

---

43 Ibid. 30 janv.

44 РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 106А. Л. 73.

45 *Le Populaire*. 1922. 22 sept.

46 *Bulletin Communiste*. № 15. 1922. 13 avr. P. 286.

торые в Туре выступили за обновление рабочего движения, за отказ от оппортунизма и за возвращение к революционным принципам, которые выбрали своим знаменем русскую революцию, по сути дела, открыли путь людям совершенно новой формации, людям, принадлежавшим в большинстве своем к другому поколению и разделявшим совсем иную систему ценностей. Именно им будет суждено заложить основы коммунизма во Франции.

Руководство СФИО внимательно следило за ходом борьбы внутри ФКП. Еще в январе 1922 г., когда ни о какой ясности по этому вопросу не могло быть и речи, Л. Блюм в своей статье для *Le Populaire* довольно точно описал суть конфликта внутри Коммунистической партии: «Они [Фроссар и Кашен – А.В.] снова стали жертвой фатальной иллюзии, в которую впала Москва, упорствующая в своих попытках судить обо всем происходящем в мире согласно своим собственным воззрениям, вообразившая, что любой опыт, опробованный в России, может быть тотчас экспортирован, а затем углублен и обобщен в рамках всемирного пролетарского движения»⁴⁷. В течение всего года социалисты указывали на то, что руководство ФКП шаг за шагом сдает позиции, и говорили об усилении сторонников Коминтерна, лидера которых Суварина они, не стесняясь, называли «маленьким Наполеоном»⁴⁸ и «кнотом Москвы»⁴⁹. Единый фронт в их глазах окончательно становился инструментом политической борьбы ФКП и терял последние остатки ореола возвышенного идеала. «Единый фронт служит прикрытием для маневров внутрипартийной политики коммунистов. В этой музыкальной композиции мы не желаем играть ни на флейте, ни на барабане»⁵⁰, – отмечал генеральный секретарь СФИО П. Фор.

Кроме того, социалисты все более критично, а порой враждебно высказывались о компартии. Мотив объединения уступил место в статьях *Le Populaire* прямым нападкам на ФКП. 26 октября 1922 г. центральный печатный орган СФИО опубликовал призыв к рабочим Франции, который, в частности, гласил:

«Последний съезд Коммунистической партии, который только что

---

47 *Le Populaire*. 1922. 24 janv.

48 *Ibid.* 20 sept.

49 *Ibid.* 26 sept.

50 *Ibid.* 20 nov.

прошел в Париже, обозначил новый этап в процессе неизбежного и непрерывного распада этой партии... Эта партия теперь расчленена... У рабочего класса есть только одна возможность создать [единый – А.В.] фронт в час опасности – признать социалистическую партию единственной партией, предлагающей ... доктрину, правильность которой подтвердил весь текущий ход событий»⁵¹.

6 декабря социалисты отклонили призыв коммунистов к сотрудничеству в рамках единого фронта, мотивировав свое решение «неискренностью и неясностью» предложения ФКП⁵².

1922 г. стал для лидеров СФИО временем избавления от иллюзий. Наблюдая за тем, как Коминтерн, используя лозунг единого фронта, по сути дела, навязывает французской компартии чуждую ей идеологическую и теоретическую платформу, как сторонники Москвы захватывают рычаги контроля над партаппаратом и открыто декларируют свои намерения перестроить ФКП на принципах, имеющих мало общего с традициями французского социализма, они осознавали глубину раскола, произошедшего в декабре 1920 г. в Туре. На XX съезде СФИО в феврале 1923 г. не прозвучало ни одного призыва к единству действий с коммунистами, а итоговая резолюция еще раз отвергла унитаристские предложения ФКП, которую Ж. Лонге на одном из заседаний назвал тем, «что осталось от Коммунистической партии»⁵³. Фактически, в конце 1922 – начале 1923 гг. пути двух частей некогда единой социалистической партии разошлись окончательно.

Проблема единого фронта со всей ясностью показала, что во Франции имеются в наличии не два временно разобщенных фланга одной политической силы, а две партии, стоящие на разных идеологических платформах. Одна из них выбрала верность революционной доктрине, сплотив свои ряды под большевистскими знаменами. Другая – следование реформистской практике. Как показала история XX в., это были расходящиеся дороги. Период с 1920 по 1923 гг. стал тяжелым временем осознания того, что живая ткань организационного единства французского социализма разорвана на долгие десятилетия. Лидеры СФИО свыкались с мыслью о том, что раскол слишком глубок, чтобы вести речь о восстановлении единой партии. Отцы-основатели ФКП осозна-

---

51 Ibid. 26 oct.

52 Ibid. 7 dec.

53 Ibid. 1923. 7 fevr.

вали, что запущенный ими процесс выделения левого крыла рабочего движения в самостоятельную структуру принимает неожиданные формы и ведет к созданию во Франции абсолютно новой организации, что лозунги, под которыми они подписались в 1920 г., на практике означают полное и буквальное принятие большевистских стандартов партийного строительства и революционной деятельности. Раскол французского социализма оказался непреодолим, прежде всего, потому, что речь шла об идеологическом размежевании. В 1920-1923 гг. стало окончательно ясно, что две образовавшиеся рабочие партии, несмотря на сходство теоретических установок и общую историю, отражают, по сути, разные концепции социализма, которым будет суждено стать магистральными в XX в. и во многом определить политический облик современной Франции.